

11. Сарапулов А.Н. Возникновение пашенного земледелия на территории Западного Урала в эпоху средневековья (по археологическим данным) // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2011. Вып. 1 (15). С. 81–91.
12. Белавин А.М. Археологические памятники эпохи русской колонизации Предуралья и Нового времени // Очерки археологии Пермского Предуралья: учебное пособие для студентов и аспирантов / под ред. А.М. Белавина. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2002. С. 243–250.
13. Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв.: учебное пособие. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2001. 140 с.
14. Вострокнутов А.В., Крыласова Н.Б. Украшения XII–XIV вв. из легкоплавких металлов на территории Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2012. Вып. 1 (18). С. 105–113.
15. Хузин Ф.Ш. Некоторые проблемы изучения русско-булгарских связей в современной историографии // Русь и Восток в IX–XVI вв.: новые археологические исследования / отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль; сост. В.Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 44–51.
16. Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар – Киев. Пути – связи – судьбы. Киев: Институт археологии НАН Украины, 1997. 191 с.
17. Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы // Материалы Института археологии. 1952. № 27. 224 с.
18. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск: монография. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2008. 603 с.
19. Сарапулов А.Н. О булгарском влиянии на средневековое земледелие Пермского Предуралья // Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи: мат-лы II Болгарского форума 21–23 мая 2011 г. в г. Казань. Археология евразийских степей. Вып. XVII. Казань: АН РТ, 2013. С. 187–195.
20. Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период) // Материалы института археологии. 1953. № 32. С. 86–89.

Статья публикуется при поддержке грантов РФФИ проект № 17-46-590037 «Ландшафты речных бассейнов и древний человек: освоение Верхней Камы в голоцене»; проект № 17-46-590780 «Хозяйственно-культурный облик средневекового Предуралья (комплексное исследование)».

SOUTH RUSSIAN TRACES IN THE ORIGINS OF THE TILLAGE IN THE PERM REGION (ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE)

© 2019

Sarapulov Aleksey Nikolayevich, candidate of historical sciences, associate professor,
acting head of Domestic and World History, Archeology Department
Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation)

Abstract. The paper deals with some issues of the origins of the tillage in the Perm Region at the turn of the 12th century. During that time, a new type of implement got widespread. They were ards fitted with broad-bladed iron shares. The finds of the shares were analyzed and compared with the analogous ones from the territory of Kievan Rus'. The analysis showed that the South Russian articles found in the Upper Kama region appeared together with Bulgarian articles and sometimes with the ard shares. South Russian things of 10–11 centuries were also found on the territory of Volga Bulgaria. Being a large mediaeval state, Volga Bulgaria both had a strong influence on the Finno-Ugric population of the Kama region and had dealings with Kievan Rus' (northern and southern parts) using the Volga trade route. Therefore, the origins of the tillage and the appearance of the broad-bladed iron shares in the Perm Region may be connected with the spreading of the South Russian agricultural traditions through the agency and under the influence of Volga Bulgaria.

Keywords: tillage; ard shares; ard with horizontal or nearly horizontal sole; tips of ploughing tools; arable weapon; Perm Region; Kievan Rus'; Volga Bulgaria; South Russian territories; North Russian territories; trade route; route from Bulgar to Kiev; mapping.

* * *

УДК 93:342.5(045)

DOI 10.24411/2309-4370-2019-13213

Статья поступила в редакцию 20.07.2019

ПОЛИТИКА ИМПЕРСКОЙ АККУЛЬТУРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ КАЗАХСКИХ СТЕПЕЙ (СЕРЕДИНА XVIII–XIX ВВ.): ФЕНОМЕН ОРЕНБУРГСКОЙ КИРГИЗСКОЙ ШКОЛЫ

© 2019

Котов Антон Владиславович, студент исторического факультета
Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Российская Федерация)

Аннотация. В данной статье освещаются основные вопросы образовательной политики Российской империи в XVIII–XIX вв. в отношении населения северных казахских степей. Рассматриваются конкретные примеры мирного взаимодействия русских поселенцев с местным казахским населением через призму культурного и просветительского влияния, что выражалось в основании ряда учебных заведений для «инородцев» северных казахских степей. Выявляется значение образовательной и культурной интеграции местного

населения в российское общество. Основные аспекты образовательной политики Российской империи исследуются на фактическом материале русско-инородческих школ. Приводятся проблемы аккультурации местного населения и пути их решения в трудах современников и непосредственных участников данных событий. Вводятся в научный оборот архивные материалы, рассказывающие об истории образовательного учреждения – Оренбургской киргизской школы. Рассматривается функционал Оренбургской киргизской школы, который подразумевал культурную и образовательную аккультурацию казахского населения в середине XIX века. Раскрываются причины смены образовательных и культурных ориентиров данной школы в различные периоды ее существования, результаты ее работы и роль в процессе интеграции нерусских народов в единое социокультурное пространство Российской империи.

Ключевые слова: аккультурация; русско-казахские культурные контакты; интеграция; город Оренбург; казахи; ислам; татары; русские; Оренбургская пограничная комиссия; инородческое образование; проблемы образования; Оренбургская киргизская школа; образовательные учреждения конца XIX века; татарский язык; казахский язык; Н.И. Ильминский; И.А. Алтынсарин.

Формирование на поликультурных окраинах нашей страны единого социокультурного пространства Российской империи было одной из важнейших задач внутренней политики российской администрации, так как закладка фундамента добрососедских отношений определяла в то время весь ход развития событий в северных землях центральноазиатского региона Российской империи, а после и Советского Союза. Успешность процесса в решающей степени зависела от создания на присоединенных землях такой системы образования, которая способствовала бы решению важных исторических вопросов и проблем между русскими поселенцами и местным казахским населением [1–3].

Отметим, что изучать систему образования казахского населения, находящегося под влиянием Российской империи, начали еще в дореволюционной России. Достаточно назвать труд крупного исследователя Александра Васильевича Васильева «Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние» [4]. Также стоит отметить основательный труд Николая Ивановича Ильминского «Воспоминания об И.А. Алтынсарине» [5], в котором дана картина образовательной политики Российской империи и показаны ее плоды в виде нового поколения казахской интеллигенции, каким был Ибрай Алтынсарин. Авторы дореволюционных трудов по данной теме, как правило, сами были участниками и непосредственными свидетелями политики аккультурации казахского населения.

В советский период вышел труд Тулегена Тажибаевича Тажибаева «Казахская школа при Оренбургской пограничной комиссии (1850–1869)» [6], где была дана характеристика этому крупному образовательному учреждению казахов в дореволюционный период.

Современный взгляд на образовательную политику дореволюционной России в северных казахских землях отражен в работе Дениса Николаевича Денисова «Исторические мечети Оренбурга» [7]. Именно в этой работе показано, что Россия активно использовала ислам, делая его проводником образовательной политики. В работе «Губернаторы Оренбургского края» [8] Владимира Геннадьевича Семёнова представлен анализ действий политики российской администрации в направлении образования казахского населения.

Однако, на наш взгляд, проблема изучения роли русского образования в истории современного Казахстана, в истории Оренбургской области и в истории всей России по-прежнему актуальна, заслуживает более пристального внимания.

В частности, на наш взгляд, более детального изучения требуют неизбежно возникавшие проблемы и кризисы в политике аккультурации, необходим также анализ конкретных центров образования, в частности такого уникального учебного заведения, как Оренбургская киргизская школа.

Как ни удивительно, но о сыгравшем весьма значимую роль в процессе культурной интеграции так называемых «инородцев» (казахов в данном случае) учебном заведении нет специальных исторических исследований, и киргизская школа упоминается лишь в ряде исторических трудов в связи с различными аспектами истории Оренбургского края.

В XVIII веке, когда был заложен Оренбург, встал вопрос о выборе политики, которая смогла бы закрепить российское присутствие в новых землях [9, с. 12–13], а также об обеспечении безопасности российских границ от кочевников. Опасность набегов кочевников вынуждала администрацию губернии принимать военные меры. Однако такой путь был проблемным из-за постоянной военной угрозы, затратным для Российской империи того времени, и к тому же количество русских колонистов было сравнительно невелико. Поэтому был выбран единственно верный путь – установление контактов с местным населением. Образовательная политика стала одной из важнейших задач внутренней политики Российской империи на восточном направлении, так как предполагала мирную интеграцию казахского населения в состав российского общества. Кроме того, система образования вносила вклад в решение еще и таких проблем, как оседлость казахского населения.

Вопрос об образовательных учреждениях решался практически сразу после основания г. Оренбурга и переселения русских колонистов. Организацией первых школ на Урале стал заниматься русский историк, государственный деятель Василий Никитич Татищев, который был убежден в том, что дети мурз, старейшин, глав племен должны учиться русской грамоте, потому что только так местное население сможет мирно взаимодействовать с русскими, а в дальнейшем даже принять православие. Грамотных иноверцев В.Н. Татищев предлагал уравнивать с русскими дворянами. Именно такими методами предполагалась интеграция «инородцев» в российский социум. Также В.Н. Татищев прекрасно понимал, что для успешности образования немаловажен фактор мирного соседства. Помимо задабривания подарками знатных казахов, в Оренбурге была открыта ярмарка для привлечения местных степняков, а позже были отправлены первые торговые караваны в Ташкент и Бухару [10, с. 29–30]. После В.Н. Татищева образо-

вание как «инородцев», так и в целом шло незначительными темпами, и это вполне объяснялось экономическими трудностями, территориальной и культурной отдаленностью от центра империи. В.Н. Таищев ратовал за образование в провинции, и именно его начинания стали прологом дальнейших преобразований в образовании Оренбургской губернии [11, с. 102]. Однако это были лишь начинания, и требовалось больше времени и ресурсов для развития российской политики аккультурации.

Образование казахов, в силу экономических и материальных возможностей российской администрации, развивалось довольно медленно, что давало лишь незначительный эффект, который не мог оправдать надежд российской администрации. Поэтому проблему образования в конце XVIII века поднимает губернатор Оренбурга барон Осип Андреевич Игельстром, который обращает особое внимание на религиозную составляющую, на образ жизни кочевников и открывает мечети [12, с. 525]. Мечети служили религиозными центрами и местами постепенной оседлости казахского населения, где призывали к миру с русскими, что решало проблему мирных контактов с местным населением и постоянных набегов кочевников. Тогда же активно приглашались татарские муллы, которые в силу религиозной близости становились учителями и наставниками казахов [7, с. 53–72].

При О.А. Игельстроме началось строительство мечетей при Троицкой крепости с целью приобщить степняков к мирному взаимодействию с русскими. Такие действия оказались плодотворными. Часть казахского общества посещала культурные учреждения и постепенно переходила к оседлому образу жизни, тем самым становясь полностью подданными Российской короны, которая, в свою очередь, покровительствовала местной исламской культуре [13, с. 43–44].

Такие устремления губернатора Оренбурга получили высшее одобрение в столице Российской империи – Санкт-Петербурге, но императрица Екатерина II, помимо похвалы, отправила О.А. Игельstromу и четкие требования: «...при помянутых мечетях построить татарские школы по примеру казанских и тут же завести караван-сарай или частные дворы для выгоды торгующих магометан; второе – мечети обвести каменным забором, осведомясь у татар, как то пристойно по их обычаю; третье – где же вновь следует построить мечети и особливо в таких местах, как удобнее других посещаемы быть могут, стараться оные так расположить, что хотя и до тысячи пяти-сот человек в них вместиться могло» [14, с. 450]. Таким образом, мечети становятся средоточием не только культурно-религиозной жизни, но и образовательными центрами для местного населения. Из положения также следовало, что именно татары будут заниматься образованием казахов, так как существовала религиозная близость их с местным населением. Отбор татарских наставников и учителей был важным вопросом и требовал особого внимания для достижения необходимого эффекта от культурно-образовательной политики, что можно сказать, исходя из следующего предписания: «Снабжение разных родов киргизских муллами, немалую пользу в делах наших принести может: почему и старайтесь определить оных, истребовав из казанских татар людей надежных...» [14, с. 493].

В 1785 году в Оренбурге на Меновом дворе, где был как торговый, так и культурный обмен между русскими и казахами, была основана крупная мечеть, что превратило ее в культурно-образовательный центр для местного населения. Работники мечети работали на российскую администрацию и полностью были обеспечены с ее стороны. Цель этой мечети сводилась не только к культурному влиянию российского присутствия, но и к изменению образа жизни казахов, которые переходили к оседлому образу жизни, что обуславливало вступление их в российское общество [7, с. 53–72].

Растущее число местных торговцев и казахов, селившихся рядом с Меновым двором, побудило О.А. Игельstromа к постройке школы при мечети: «Училище открыть в непродолжительном времени и наполнить число недостающих при Оренбургской мечети, положенных в штате, мечетных служителей...; второе – публиковать во все киргизские Меньшей орды роды, что Её Императорское Величество, попечаясь всемиростивейше о просвещении народа их, указала учредить при здешней мечети для детей их школу...» [8, с. 45]. Такой шаг значительно увеличивал результаты аккультурации и привлекал большое количество казахов поселиться рядом с учебным заведением.

Школы (магометанские) при мечетях делились на 2 вида: мектебы и медресе. Мектебы – это начальные духовные школы при мечетях, задачей их было обучение воспитанников элементарным знаниям, чтению книг, умению пользоваться арифметикой и изучение самой религии ислам. Медресе – это духовные училища, которые были отделены от мечети. Воспитание в медресе велось по религиозно-нравственной линии, в медресе также готовили духовных наставников. Здание медресе должно было быть просторным, как мечеть. Поэтому в Оренбургской губернии строительство медресе было редким явлением для начала XIX века. Сами верующие отлично понимали дороговизну медресе, сравнивая его строительство со строительством мечети [15, л. 8].

Однако это были половинчатые и локальные меры, так как единого образовательного центра, как и единой образовательной политики, не было. Такое положение осложняло «инородческое» образование в данном регионе и не решало проблему интеграции в полном объеме. Острой реакцией на российское присутствие и всю образовательную политику в отношении местного населения стало восстание Сарыма Датова, который призывал казахов не обучаться в школах, не иметь любых контактов с русскими и вести с ними борьбу [16, с. 83–85]. Нарастание сопротивления казахов привело к спаду образовательной политики.

Ситуация изменилась в качественно лучшую сторону только через 50 лет, к середине XIX века. Именно тогда губернатором г. Оренбурга был Владимир Афанасьевич Обручев, который уделил огромное внимание образовательной проблеме казахского населения [8, с. 83].

Положение об открытии школ для киргизских детей при Оренбургской пограничной комиссии было утверждено 14 июня 1844 года [6, с. 5]. С этого момента начинается история Оренбургской киргизской школы, которой суждено было сыграть большую

роль как для России в качестве образовательного и идеологического центра для новых верноподданных, так и для самих казахов, которые до этого не знали образовательного учреждения лучше. Здание школы располагалось на Большой улице рядом с корпусом Пограничной комиссии. Основная задача Киргизской школы состояла в подготовке людей для дипломатических действий с казахами, а также достойных кадров в управлении. Данная школа также должна была решить проблему образования «инородцев» в относительно короткий срок путем популяризации образовательных идей у казахов [6, с. 6]. Администрация считала, что казахи, получившие российское образование, смогут привлечь на свою сторону немало инородцев из казахских степей. Внутриполитическая обстановка в казахском обществе была стабилизирована, что было решающим фактором для образовательной политики России в Оренбургской губернии. Оренбургская киргизская школа стала первым крупным образовательным учреждением для казахов.

Оренбургская киргизская школа по своему содержанию, несмотря на предназначенность для местных казахов, была чисто татарского типа, что было необычно для самих казахов. Школа была основана специально для зажиточных казахских семей, которые имели авторитет среди казахского общества, а в более позднее время, когда ее популярность была очевидна, стала принимать всех желающих. Сама школа в начале своего существования была рассчитана на 30 казахских детей в возрасте от 8 до 12 лет. Заезд учеников в школу был назначен не позднее 1 августа 1850 года. Также был проведен медицинский осмотр состояния здоровья воспитанников. Воспитанники были выходцами из различных частей орды, что обуславливало заинтересованность местных жителей в образовании: «Больше всех прибыло из Восточной части орды – 23, из них принято 20, из Западной принято 7, а из средней – 3» [4, с. 37].

Проблемы, связанные с Оренбургской киргизской школой, начались во второй половине XIX века и связаны были, прежде всего, с образовательным процессом, который велся на татарском языке. Такая практика, по мнению российской администрации, устарела и не давала решительных результатов, а иногда вызывала даже противоположный эффект – порождала религиозный фанатизм, перешедший к казахам от татарских мулл. Это приводило к конфликтным ситуациям с администрацией Пограничной комиссии, которая требовала преподавания на казахском языке [5, с. 14].

Однако кардинально и в короткие сроки изменить ситуацию с преподаванием в Киргизской школе было невозможно, прежде всего из-за преподавательского состава, который был татарским, так как преподавателей среди казахов на тот момент практически не было: «...прислуга была татарская, кушанья татарские; ученики брили голову, совершали обычные омовения, праздновали пятницу, а по воскресеньям учились магометанскому закону и татарскому языку...» [5, с. 15]. Таким образом, Киргизская школа не имела содержания, которое отвечало бы требованиям российской администрации.

Изменение ситуации началось со смены надзирателя Оренбургской киргизской школы, когда татарская обстановка в образовательном процессе была

решительно осуждена. Началась отмена старых порядков, а именно бритье голов, которое у казахов было непопулярным и неудобным, омовения стали совершаться в специальных местах, что существенно сократило риск распространения болезней и заражений, пост ураза перестал строго соблюдаться, так как вредил здоровью воспитанников в образовательном процессе. Постоянное посещение мечети по пятницам было отменено. Также началось преподавание на русском языке, изучение русской культуры, истории и самобытности, что для русской администрации представлялось крайне важным делом. Казахов также учили и точным наукам, таким как арифметика. Кроме того, в школе была гимнастика и танцы [7, с. 72].

В 1857 году, когда прошёл первый выпуск, Оренбургская киргизская школа смогла дать результаты, желанные для России. Выпускниками стали талантливые учителя, посредники от русского общества к казахскому обществу и верноподданные Российской империи. Именно они стали основными проводниками русской политики в казахских степях. Знаменитым выпускником этой школы был Ибрай Алтынсарин, который был воспитанником первого выпуска [5, с. 20]. Именно он в будущем будет основателем народных школ и просветителем казахского народа. Благодаря ему казахи существенно сблизятся с российским обществом через образование.

Результат был успешен, и новый набор учеников начался в 1859 году. Новости об успешности такой школы и перспективе иметь уважаемое и выгодное место в обществе по ее окончании быстро распространились по бескрайним степям. Число желающих «инородцев» учиться стремительно возросло и намного превышало спрос. Школа вынуждена была пойти на расширение до 40 учебных мест [4, с. 52]. Выпускники такой школы обычно высоко ценились русской администрацией, занимали, как правило, высокие посты при самой Пограничной комиссии, работали с местными правителями, представляя российскую сторону. Оренбургская киргизская школа активно выполняла образовательные задачи России в северных казахских степях. Для местных «инородцев» учеба в таком перспективном заведении означала становление и рост карьеры, приобщение к европейско-российской культуре и высокую востребованность у российской администрации в качестве незаменимых кадров.

Таким образом, можно сказать, что российский политический проект образования «инородцев» в Оренбургской киргизской школе при Пограничной комиссии увенчался небывалым для того времени успехом. Однако такая школа в то время была практически единственным организованным местом обучения. Нехватка учебных мест в школе при большом количестве желающих вызывала досаду у местных органов власти, в частности у самой Пограничной комиссии. Для закрепления результата требовалось построить новые учебные заведения, что требовало колоссальных затрат, но было необходимо для дальнейшей успешной интегративной политики России в отношении «инородцев».

Итак, первая половина XIX века ознаменовалась лишь ростками образования среди казахов, развитие системы шло медленно и бессистемно. И хотя пример Оренбургской киргизской школы свидетель-

ствовал об успехе политики аккультурации, о ее реализации в полной мере говорить было нельзя.

Для успешной реализации успеха политики аккультурации необходимо было решить ряд проблем, четко обозначенных известным педагогом-миссионером Николаем Ивановичем Ильминским.

Во главу угла Н.И. Ильминский ставил, прежде всего, наличие казахской письменности. В 1858 году Н.И. Ильминский поступил на службу в Оренбургскую пограничную комиссию, которая ведала практически всеми внутренними делами губернии, и был весьма удивлен, узнав, что казахский язык не имеет своей письменности и его проводником является татарский. Однако последний, по мнению Н.И. Ильминского, искажал казахский язык неправильным отображением фонетики, произношения и диалектов. Именно такие выводы он излагает в труде «Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческому языкам» [17]. Проводниками и осуществителями таких идей, по мнению Н.И. Ильминского, должны были стать патриотично настроенные казахи [17, с. 20]. Стоит отметить, что педагог-миссионер в ходе своих научных исканий познакомился с Ибраем Алтынсариним – хорошо образованным казахом, ставшим одним из выдающихся педагогов-просветителей своего времени. Именно И. Алтынсарин станет активно содействовать Н.И. Ильминскому в своих трудах, посвященных русскому и казахскому языкам [5, с. 35]. Ибрай Алтынсарин благодаря усердной работе смог создать общество казахской интеллигенции, полностью поддерживающей русское образование, которое, активно изучая и постоянно говоря на русском языке, начало вести пропаганду среди местного населения в пользу изменения направления образования и прежде всего в приспособлении русского алфавита к казахской фонетике, чтобы можно было на практике доказать преимущество над арабо-татарским алфавитом.

Говоря о внедрении русского алфавита и прививании русской культуры, необходимо понимать и материальную составляющую этого вопроса. По словам Н.И. Ильминского, школы при степных укреплениях были малыми, негодными даже для начального образования казахов. Экземпляры учебников и словарей, как указывалось в ведомостях той или иной школы, были не в полном объеме, да и сами учебники не годились для казахского воспитания и образования из-за перегруженности ненужными знаниями об арабо-персидской культуре и истории Среднеазиатских ханств [4, с. 30]. Н.И. Ильминский понимал, что при таком состоянии школьного инвентаря в образовательных пунктах североказахского региона Россия не достигнет своих целей относительно образованности казахов и интеграции их в российское общество. Педагог также понимал, что образование остро нуждалось в разработке методов обучения казахского населения, а также в подготовке казахских учителей.

В своем письме [18], которое при жизни выдающегося педагога так и не было опубликовано, он пишет: «Язык преподавания должен быть родной, народный, составленный на русском алфавите с полной выдержкой грамматики» [18, с. 8]. Ученики, каких бы они ни были возрастов, будут с достаточным желанием изучать язык своего народа. Он для них бу-

дет понятен и удобен, как в общении, так и в образовательном процессе. Таким способом будет выстраиваться общая платформа для дальнейшей интеграции казахов в русское общество. Во-вторых: «Учитель единоплеменный с учениками, – инородец, разумеется, с подходящими к этой обязанности природными качествами» [18, с. 8]. Таким образом, учитель, в понимании Н.И. Ильминского, должен быть выходцем из той среды, которую он обучает.

В своих трудах Н.И. Ильминский размышляет и о роли религии в образовании коренных народов.

Православие, по его мнению, должно было идти следом за образованием. Такой подход смог бы духовно приблизить нерусское население, что способствовало бы полному успеху аккультурации. Чтобы донести до местного населения свои религиозные нормы, необходимо было познакомить его со священным писанием, священно-историческими, нраво-учительными, назидательными книгами. Для подобной цели нужен качественный перевод книг, который должен будет заинтересовать читателя и заставить его задуматься о духовности. Свои наставления относительно перевода священных книг Н.И. Ильминский выражает в труде «О переводе православных христианских книг на инородческие языки: Практич. замечания Н. Ильминского» [19, с. 6–9].

Для большего эффекта в распространении православия в своем труде «Из переписки об удостоении инородцев священнослужительских должностей» Н.И. Ильминский предлагает ставить на эти места местных образованных и нравственных людей [20]. Сам Н.И. Ильминский говорил: «Русский человек не может вполне приноровиться к инородцам, хотя бы говорить на их языке...» [20, с. 9]. Предлагалось принимать в священники самих казахов, как это было в образовательной политике. Однако набор священнослужителей – достаточно трудоемкий процесс, и Н.И. Ильминский предлагает свои критерии для отбора. Во-первых: «Зрелого, не менее 30-летнего возраста, сопровождаемого рассудительностью, постоянством, опытностью» [20, с. 12]. То есть человек должен иметь как жизненный, так и профессиональный опыт. Во-вторых: «Трезвый, честный, благочестив, не мнимый, не лицемерный» [20, с. 12]. Человек, носящий сан священнослужителя, должен быть нравственным идеалом для местного населения, только в этом случае он сможет склонить на свою сторону как можно больше людей и привить им такой же высоконравственный облик. В-третьих: «Искреннего и убежденного в исповедании Православной веры и учительности» [20, с. 12]. Человек должен быть христианином, чтобы обозначить и эффективно растолковать основы христианского учения. В-четвертых: «Желательно при этом знание русского языка, настолько, чтобы мог он объясняться свободно по-русски и с разумением читать русские книги религиозного содержания» [20, с. 12]. Священнослужитель из местного населения должен отлично знать русский язык и ориентироваться в священных книгах. Таким образом, священнослужитель должен быть достаточно нравственным и образованным человеком, чтобы распространять христианство.

Вторая половина XIX века ознаменовалась сменой ориентиров обучения на казахский вектор. Татарское влияние на казахов было столь велико, что

могло составить конкуренцию российскому присутствию не только в данном регионе, но и во всей Средней Азии, что означало бы полный провал политики аккультурации и мирного взаимодействия. Все заметнее проявлялись татарские черты в казахском быту и поведении самих казахов. Это проявлялось в изменении распорядка дня (посещение мечети, пост, праздник и т.д.), в изменениях одежды с бухарского халата на татарские наряды, менялись или исчезали культурные традиции казахов. Татарским муллам, в ходе своего многолетнего присутствия в северных казахских степях, удалось привить казахам в ходе религиозных проповедей некоторые черты религиозного фанатизма, что было не свойственно для местного населения ранее. Стоит упомянуть и тот факт, что активная исламизация татарами казахов была выгодна врагам России в Средней Азии – Хивинскому, Кокандскому и Бухарскому ханствам [21, с. 9–11].

Выход из сложившейся ситуации видели в распространении русской культуры и русской грамматики. В это время над созданием книжного казахского языка трудились Н.И. Ильминский и И.А. Алтынсарин. В империи открывается ряд школ менее роскошных и дорогих, чем Оренбургская киргизская школа. Если центр российского обучения «инородцев» до начала 60-х годов XIX в. находился в Оренбурге, то в последующие годы скромные «инородческие школы» начинают открываться в различных местах: «четыре маленьких киргизских школы: в Троицке, Оренбургском укреплении (ныне Тургай), Уральском укреплении (ныне Иргиз) и еще где-то...» [4, с. 67–69]. В таких небольших школах насчитывалось от 25 учеников, на которых было выделено достаточное количество учебников, а именно «Русская азбука» с грамматикой, «Татарская азбука» с грамматикой, русско-татарский словарь и другие книги для чтения на русском и татарском языках [4, с. 63–64].

В связи с появлением других школ возникла острая необходимость в учителях, на места которых татарских мулл и учителей ставить больше не могли из-за выявленных ранее проблем. Крайне востребованными оказались казахи-выпускники Оренбургской киргизской школы.

Огромное значение в укреплении «инородческого образования» в северных казахских землях имело решение генерал-губернатора г. Оренбурга Н.А. Крыжановского передать все казахские школы под попечительство Министерства народного просвещения. Местные школы Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской областей также переходили под попечительство Министерства народного просвещения. Это означало выработку новых учебных программ, выделение финансов, а также обеспечение учебных заведений учителями [4, с. 83–84], способствовало систематизации и структуризации образования казахов. Планировалось построить при каждом населенном пункте школу, вести постоянный надзор за соблюдением правил просвещения. Эти планы были реализованы на рубеже 1870–1880 гг. [22, с. 72–73].

Для эффективной работы Министерства народного просвещения в Оренбургской губернии было решено назначить своего представителя из местных образованных и опытных казахов. На такую должность подходил выпускник Оренбургской киргиз-

ской школы 1857 года Ибрай Алтынсарин, который к этому времени был педагогом и письмоводителем в Тургайской школе. Именно И. Алтынсарин выявил многие неудобства и нарушения в «инородческих школах» в Тургае, Иргизе, Троицке, где школьные помещения не соответствовали норме учебного заведения. В замечаниях инспектора говорилось, что комнаты тесные, здания нуждаются в капитальном ремонте, а школьных принадлежностей критически не хватает. На основе таких неутешительных сведений местные органы направили ходатайство о выделении кредита на нужды образования [4, с. 87–90].

В конце XIX века образовалась сеть волостных школ с 4-классным обучением, которая имела стандартизированное обучение, выражавшееся в школьных программах, наличии серии учебников, словарей, книг художественной литературы, а также в нормированном и постоянном материальном снабжении в 2000 рублей. Школы открывались не только в укреплениях и крепостях – появился такой вид школ, как аульные, что в разы облегчало образовательный процесс и способствовало укреплению российской политики в данном регионе [4, с. 99–100]. Стоит отметить, что в конце XIX века появились и женские школы, где помимо общеучебной программы девочкам преподавали домашнее мастерство и садоводство [23, с. 155–157].

Таким образом, политика аккультурации казахского населения стала приоритетной для российской администрации в северных казахских степях еще со времен образования г. Оренбурга и первых контактов русских колонистов и местных, чему способствовала политика государственных деятелей В.Н. Татищева, О.А. Игельстрома, В.А. Обручева. Установлению мирных взаимоотношений русского и местного казахского населения в немалой степени способствовали образовательные и духовные учреждения и деятельность выдающихся педагогов-просветителей Н.И. Ильминского, И.А. Алтынсарина и др. Удалось добиться создания казахской интеллигенции, которая стала составляющей российского общества и претворяла в жизнь культурно-просветительские идеи. Важным явлением в аккультурации казахов стала Оренбургская киргизская школа, которая по праву считалась центром российской образовательной политики в северных казахских степях, она дала положительные результаты, выполнила задачу появления образованной части казахского общества, казахской интеллигенции. Результативность такого рода политики в отношении местного населения была высокой для второй половины XIX века, что выражалось в большом спросе на образование, и основание новых учебных заведений для «инородцев» было вопросом времени и острой необходимостью. Систематизация и плановое внедрение образования обеспечили поддержку местного населения. Россия получила образованную казахскую интеллигенцию, которая обеспечивала поддержку российской администрации, работая в ней. Военная угроза со стороны казахов была ликвидирована. Образование казахского населения в конце XIX века вступает в новый этап качественного развития, подразумевая высокую популярность среди местного населения, дальнейшее активное взаимодействие с российским обществом и постепенное вхождение в него.

Список литературы:

1. Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskiy S. The Influence of the Imperial Policy of Acculturation on the Formation and Evolution of the Power Elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737–1842) // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49, is. 3. P. 970–979.
2. Lyubichankovskiy S., Dmitriev V.V. The Southern Periphery of the Russian Empire and a Problem of Colonialism (on materials of National Policy of Russia in Relation to the Crimean Tatars at the end of XVIII – the beginning of the 20th century) // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45, is. 3. P. 1010–1024.
3. Lyubichankovskiy S., Akanov K. Orenburg in the History of Integration of Kazakh Steppe in the Russian Imperia XVIII – beginning of XX century // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48, is. 2. P. 484–495.
4. Васильев А.В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург: Типо-лит. Жаринова, 1896. 224 с.
5. Ильминский Н.И. Воспоминания об И.А. Алтынсарине. Казань: Типо-лит. В.М. Ключникова, 1891. 396 с.
6. Тажибаев Т.Т. Казахская школа при Оренбургской пограничной комиссии (1850–1869). Алма-Ата: Казахское гос. учеб.-педагог. изд-во, 1961. 39 с.
7. Денисов Д.Н. Исторические мечети Оренбурга // *Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.)*. Казань: Институт истории АН РТ, 2006. С. 53–72.
8. Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. 400 с.
9. Желваков Н.А. Хрестоматия по истории педагогики. Т. IV. История русской педагогики с древнейших времён до Великой пролетарской революции. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во, 1936. 516 с.
10. Алекторов А.Е. История Оренбургской губернии. 2-е изд. Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1883. 128 с.
11. Кузьмин А.Г. Татищев. 2-е изд., доп. М.: Молодая гвардия, 1987. 368 с.
12. Юдин П.Л. Барон О.А. Игельстром в Оренбургском крае (1784–1798) // *Русский архив*. 1896. № 1, № 4. С. 513–555.
13. Русский биографический словарь. Т. VIII. Ибак – Ключарев. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. С. 43–44.
14. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXII. № 16255. 1174 с.
15. Записки Департамента Духовным Дел о магометанских школах // *Русский государственный исторический архив (РГИА)*. Ф. 821. Оп. 150. Д. 410.
16. Прошлое Казахстана в источниках и материалах / под ред. С.Д. Асфендиярова, П.А. Кунте. 2-е изд. Алматы: Казакстан, 1997. 380 с.
17. Ильминский Н.И. Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам. Казань: Тип. ун-та, 1883. 47 с.
18. Ильминский Н.И. Неизданное письмо Н.И. Ильминского о способах обучения инородцев. СПб.: Синод. тип., 1900. 8 с.
19. Ильминский Н.И. О переводе православных христианских книг на инородческие языки: Практич. замечания Н. Ильминского. Казань: Унив. тип., 1875. 47 с.
20. Ильминский Н.И. Из переписки об удостоении инородцев священнослужительских должностей. Казань: Тип. В.М. Ключникова, 1885. 20 с.
21. Ремнёв А.В. Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // *Вестник Евразии*. 2006. № 4. С. 5–32.
22. Алекторов А.Е. Тургайская область: Естеств. и производительные силы обл., хоз. деятельность ее населения и нар. образование: (Стат. очерки). Оренбург: Типо-лит. И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1891. 98 с.
23. Любичанковский С.В. Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX – начало XX вв.): монография. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2018. 264 с.

Исследование выполнено при поддержке Правительства Оренбургской области в рамках реализации областного гранта в сфере научной и научно-технической деятельности на тему «Оренбургская киргизская школа как центр культурной интеграции «инородцев» североказахских степей» (постановление Правительства Оренбургской области №521-пн от 16.07.2019 г.).

**THE POLICY OF IMPERIAL ACCULTURATION
OF THE NORTHERN KAZAKH STEPPES POPULATION (MID XVIII–XIX CENTURIES):
PHENOMENON OF THE ORENBURG KYRGYZ SCHOOL**

© 2019

Kotov Anton Vladislavovich, student of the Faculty of History
Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation)

Abstract. This paper covers the main issues of the educational policy of the Russian Empire in the XVIII–XIX centuries in relation to the northern Kazakh steppes population. Examples of peaceful interaction of Russian settlers with the local Kazakh population are considered through the prism of cultural and educational influence, which was expressed at the basis of a number of educational institutions for the «foreigners» of the northern Kazakh steppes. The significance of the educational and cultural integration of the local population into the Russian society is revealed. The main aspects of the educational policy of the Russian Empire are investigated on the factual material of Russian-foreign schools. The problems of acculturation of the local population and ways to solve them in the works of contemporaries and direct participants in these events are given. Archival materials telling about the history of the educational institution – the Orenburg Kyrgyz School are introduced into scientific circulation. The work of the Orenburg Kyrgyz School is considered, which implied cultural and educational acculturation of the Kazakh population in the middle of the XIX century. The author also reveals the reasons for changing the educational and cultural orientations of the school at different periods of its existence, the results of its work and its role in the process of non-Russian peoples integration into the unified sociocultural space of the Russian Empire.

Keywords: acculturation; Russian-Kazakh cultural contacts; integration; Orenburg; Kazakhs; Islam; Tatars; Russians; Orenburg Border Commission; foreign education; educational issues; Orenburg Kyrgyz School; educational institutions of late XIX century; Tatar language; Kazakh language; N.I. Ilminsky; I.A. Altynsarin.